

Пушкин: однажды
и всегда

Виктор Листов

ИМ

10

лекций
для проекта
Магистерия

Виктор Листов

**Пушкин: однажды и навсегда. 10
лекций для проекта Магистерия**

«Лекторий Magisteria»

2018

Листов В.

Пушкин: однажды и навсегда. 10 лекций для проекта Магистерия / В. Листов — «Лекторий Magisteria», 2018

ISBN 978-5-905712-28-9

Казалось бы, что нового можно сказать о Пушкине? Но так уж устроено гуманитарное знание, что по-новому сформулированный вопрос может дать новый ответ. А любовь к творчеству поэта побуждает задавать эти новые вопросы и искать на них ответы. В авторский цикл лекций Виктора Семеновича Листова о биографии и творчестве А.С. Пушкина вошли три биографических очерка и семь бесед, посвященных наиболее значительным творениям поэта: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Маленькие трагедии». Автор предлагает посмотреть на сложную ткань этих произведений в контексте автобиографических и читательских впечатлений Пушкина, заново осмыслить их как череду масштабных проектов по выявлению и раскрытию в пространстве художественного текста «вечных» вопросов русской жизни и российской истории.

ISBN 978-5-905712-28-9

© Листов В., 2018
© Лекторий Magisteria, 2018

Содержание

1. У истоков	5
2. Южная ссылка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктор Листов

Пушкин: однажды и всегда. 10 лекций для проекта Магистерия

1. У истоков

Рождение поэта

События и обстоятельства, о которых пойдет речь, возвращают нас с вами к самому концу XVIII века, к дню 26 мая 1799 года. Это день Вознесения Господня. Пушкин родился в Москве, в Лефортово, именно в этот день. Он знал, что день Вознесения – важный в его жизни, много определяющий в его биографии, в его жизненных путях.

Пушкины и А. В. Суворов

Но в этот же день свершилось еще одно событие, которое наша история помнит гораздо хуже, чем рождение поэта. Александр Суворов совершал свой Итальянский поход, и именно 26 мая 1799 года его войска взяли город Турин. Такое совпадение было для Пушкина чрезвычайно важным, он знал об этом. С давних пор, буквально с детских лет, его очень занимала судьба библейского царя и пророка Давида, который был сразу и поэтом, и воином. Все знают, что Давид сочинял псалмы, из которых позже была составлена Псалтырь. И Пушкин иногда пытался строить свою судьбу именно как подражание судьбе библейского поэта и пророка, поэтому суворовский эпизод был для него чрезвычайно важен. Тем более, что он имел отношение к семейной истории Пушкиных.

Василий Суворов – отец полководца – дружил с Абрамом Петровичем Ганнибалом, прадедом поэта. Однажды, когда Абрам Петрович был в гостях у Василия Суворова, тот пожаловался ему на сына: подросток слаб здоровьем, а тем не менее желает идти в военную службу: «Поговори с ним, отговори его от военной службы». И вот черный предок Пушкина идет в комнатку мальчика, застаёт его над военными картами и некоторое время с ним беседует. И, выйдя потом к отцу, говорит: «Василий, оставь его. Он создан для военной службы, и пусть живет так, как ему нравится, хочется, как ему лучше». И с этого момента начинается судьба Суворова как военного, что было связано с пушкинской историей, с пушкинским семейным преданием.

«Род Пушкиных мятежный»

Позже, в «Борисе Годунове», поэт обмолвился: «Род Пушкиных – мятежный». Возможно, Александр Сергеевич хотел этим сказать, что его предки принимали участие во многих бурных событиях русской истории. Они служили Отечеству в битве и в совете. Там были и полководцы, и священнослужители, и крупные администраторы, и люди во многих отношениях известные. Прародитель Пушкина поселился на Руси еще до княжения Александра Невского.

Многие предки поэта были известны на исторической сцене. И Пушкин, обосновывая свое 600-летнее дворянство, хотел сослаться не столько на дворянские грамоты, которые не

сохранились, сколько на «Историю государства Российского» Карамзина, где было упомянуто очень много его предков.

В частности, несколько Пушкиных подписали даже призывную грамоту Михаилу Федоровичу, первому Романову, с предложением занять престол. И Пушкин помнил это обстоятельство. «Мы к оной [грамоте] руку приложили», – писал он. У поэта были поводы гордиться своими предками: один из них прославился в Наваринском бою, другие – при основании городов, при разных крупных исторических событиях.

Предки по материнской линии

Еще забавнее и интереснее была история предков Пушкина по материнской линии, восходившей к уже упомянутому Абраму Петровичу. Ганнибал появился в России при Петре I и стал сподвижником первого русского императора. Пушкин, конечно, несколько преувеличивал роль своего предка при монархе, но тем не менее свое место он там занимал. Занимаясь историей Петра, поэт был очень внимателен к судьбе Абрама Петровича. В частности, он даже советовал Рылееву, писавшему о Петре Великом, вывести в «Думах» своего черного предка, который произвел бы странное впечатление в условиях Полтавской битвы, например. Но когда сам Пушкин описывал Полтавский бой, он не последовал своему собственному совету и черного предка в «Полтаве» не вывел. Тем не менее такая идея его очень увлекала и грела в молодости.

Пушкины в Москве

Дом Пушкиных в Москве не имеет единственного твердо определенного адреса. Семья кочевала с одной наемной квартиры на другую. Наиболее известное место, где жили Пушкины, – «у Харитонья в переулке», у Красных ворот. Это место несколько раз упоминается поэтом. В частности, там останавливается у тетки онегинская Татьяна. Это интересно нам еще потому, что история имения восходит к допетровским временам. По существу, Пушкины жили в древнерусском тереме. И когда в «Борисе Годунове» мы видим ремарку: «Кремлевские палаты» или «Царевич чертит географическую карту» в царских палатах (помните Суворова?) – это все навеяно детскими впечатлениями от «Харитонья в переулке».

А в основном семья кочевала, Пушкины жили в разных местах Москвы. Их дом был вполне открытый, к ним часто хаживали гости, среди которых были очень известные лица. Например, историк Николай Михайлович Карамзин. А если сказать точнее, то будущий историк: он пока еще не приступил к созданию своего основного труда, «Истории государства Российского». Поэт и баснописец Иван Иванович Дмитриев. Очень крупный вельможа, министр юстиции. Василий Львович Пушкин, поэт, родной дядя Пушкина, брат Сергея Львовича. Пушкин со вниманием относился к гостям, прислушивался к ним. Особенно отличал, быть может, Карамзина.

Однажды Иван Иванович Дмитриев, увидев Пушкина, воскликнул: «Посмотрите, это же настоящий арапчик!» Он был смуглый, в маму, африканского происхождения. На что Пушкин немедленно откликнулся: «Пусть арапчик, но отличусь тем, что не рябчик». Это был укол Дмитриеву, который был несколько рябоват. И вот, как ни странно, «арапчик – рябчик» – это первая известная нам рифма, принадлежащая Александру Пушкину.

Пушкины под Звенигородом

Семья поэта жила так, как жили обычные дворянские семьи невысокого полета. Но библиотека была очень богатая, особенно в своей французской части, и Пушкин осваивал ее с очень раннего времени, потому что рано выучился читать и писать. Летние месяцы, а может быть, и не только летние, семья проводила в имении Захарово. Это чуть западнее Москвы, под Звенигородом. Владела имением бабка Пушкина – Мария Александровна Ганнибал, которая гостеприимно распахнула свои усадебные покои для семьи. Самым интересным в этой округе был, конечно, Саввино-Сторожевский монастырь, ведущий свое происхождение с XIV века, от ученика преподобного Сергия Радонежского, Саввы. Он так и вошел в историю как Савва Сторожевский.

С жизнью в Захарово у Пушкина очень многое связано. Например, он приезжал сюда в 1830 году перед свадьбой, потому что искал какие-то приметы своего детства, своей семьи, уже к тому времени разошедшейся, распавшейся на отдельные ветви. И с грустью убедился в том, что, как он говорил, «все наше упало». Тем не менее Захарово упоминается в очень многих его произведениях, например, в «Борисе Годунове», в «Истории села Горюхина». Это не связано с местом действия, Пушкин переносит название в разные места. Тем не менее Захарово, Хлопино, Перкухово и еще несколько селений вокруг имения он упоминает.

Но все-таки центром этой округи был Саввино-Сторожевский монастырь, с которым связана очень интересная сторона жизни Пушкина. Часто искусствоведы исходят из того, что поэт не знал икон Андрея Рублева: считается, что в те времена Рублев был забыт в интеллигентной России. Нет, Пушкин бывал в Саввино-Сторожевском монастыре, в соборе на Городке и, как это ни странно, мог видеть там рублевские иконы, которые не осознавались тогда как рублевские. Только после 1917 года они были найдены, но это несколько другая история. Дело в том, что по документам монастыря рублевские иконы поновлялись где-то в середине XVIII века и во времена детства Пушкина еще висели. Или в соборе на Городке, или в монастыре, но, во всяком случае, они там были, и Пушкин мог их видеть, не зная имени автора.

С другой стороны, Пушкин читал Карамзина, его сочинение «История государства Российского», и, конечно же, знал суждение историографа о большом московском пожаре, в котором, как пишет Карамзин, пострадали иконы кисти Андрея Рублева. Пушкин наверняка читал этот текст. Таким образом, он мог отдельно знать сами иконы и точно знал имя художника, так что нельзя уверенно говорить, что Пушкин не знал Рублева. В какой-то степени, в каком-то смысле все-таки знал.

Обычный московский дворянский недоросль

Детство Пушкина мало отличалось от детства обычного московского дворянского недоросля. Естественно, его возили слушать соловьев в Новый Иерусалим по весне – был такой обычай. Конечно, его приводили в Кремль и поднимали на колокольню Ивана Великого. Все это было в порядке вещей, в обычае. Но с Кремлем у семейства Пушкиных были свои отношения. Например, Пушкины знали, что один из их предков, Григорий Пушкин, в XVII веке был в царском приказе. Он получил от царя задание подновить, реконструировать, перестроить Успенский собор – главный храм отечества, что тоже отчасти было предметом гордости семьи.

Пушкин покидал Москву летом 1811 года, очень хорошо зная французский, начала арифметики, географии, отчасти истории. То есть он был обычный дворянский недоросль – этим словом раньше называли подростков.

Пушкин перед поступлением в Лицей

Когда в 1811 году открылся, или, точнее сказать, открывался Царскосельский лицей под Петербургом, Пушкины определили своего сына именно туда. Это было привилегированное учебное заведение. Довольно интересно, что там не были приняты телесные наказания. И был даже проект, что великие князья, братья императора Александра I, тоже должны были там учиться, но потом эта идея отпала.

Можно себе представить, как однажды, в летний день, в карету садится Василий Львович Пушкин, дядя поэта, который по своим делам и по делам племянника отправляется с ним в Петербург. И дворцы кареты распахиваются перед мальчиком. Тут надо, наверное, заметить, что Пушкин не просто совершает путешествие из Москвы в Петербург, но в первый раз в жизни совершает дальнейшее путешествие, которое имеет очень большое значение. Вряд ли он тогда читал радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Вероятно, оно пришло к нему в руки несколько позже. Но тем не менее в конце своей жизни он пишет статью об Александре Радищеве и работу о путешествии из Москвы в Петербург, где все основные станции обозначены, где все пейзажи описаны, где соотношение между Москвой и Петербургом выявлено, о чем у нас еще пойдет речь. Для Пушкина это очень важная, трепетная тема, и он много раз сопоставляет Москву и Петербург, у него есть свои симпатии и антипатии к обеим этим столицам.

Пушкины недолго живут в гостинице, довольно скоро им приходится переехать в частный дом, потому что жить в гостинице дорого. Василий Львович хлопочет о зачислении племянника в привилегированное учебное заведение, а юный Пушкин просто осматривает новый и первый для него европейский город, потому что допетровская Москва носит все приметы допетровского времени и, следовательно, еще город неевропейский. Так вот, Пушкин знакомится с Европой по набережным Мойки, Фонтанки, по основным проспектам и площадям города.

Знакомится он также и со своими будущими соучениками, среди которых есть москвичи. Поэт особенно сближается с Иваном Пуцуиным, с Антоном Дельвигом и с некоторыми другими. Что касается лицейской жизни Пушкина, то о ней много известно, но еще больше, быть может, неизвестно. По существу, мы знаем не столько Царскосельский лицей, сколько легенду о Царскосельском лицее, причем очень идеализированную. Это действительно было блистательное собрание талантов – тут спору нет. Это действительно было очень душевное, очень важное для нашей культуры братство лицеистов. Но были и стороны, о которых говорить как-то не принято, потому что легенда, как всегда, сильнее факта.

Лицейские учителя

Например, с первых лицейских лет воспитанникам запрещали собственное литературное творчество. Свои стихи они в основном писали тайком от надзирателей и педагогов. Кроме того, состав учителей тоже был очень неровен. С одной стороны, это были совершенно блестящие педагоги, идущие впереди своего времени. Это Куницын, который преподавал политические и нравственные науки. Это Кошанский со своей словесностью. Весьма любопытным типом был де Будри – родственник французского революционера Марата, переименовавший фамилию, чтобы не быть так явно связанным с революционером. Наконец, Чириков – преподаватель живописи и автор знаменитого портрета Пушкина.

Но был и Пилецкий-Урбанович, который надзирал за нравственностью лицеистов, а вместе с тем, как выяснилось, был деспотом, доносителем, тайным сотрудником полиции и кончил

скандалом. В 30-е годы он был одним из членов знаменитой осуждаемой секты Татариновой. То есть подбор педагогов был не равный.

Но Пушкин всю жизнь был благодарен директорам лицей: Энгельгардту, Малиновскому, многим другим. Известны его стихи, посвященные «хранителям юности нашей», как выражался поэт.

Ну и потом, это лицейское братство было пронесено через годы. Пушкинские воспоминания и рукописи хранили многие. Например, российский канцлер Горчаков хранил, может быть, несколько скабрзные тексты поэта, не уничтожая, хотя они ему и не нравились, потому что он понимал, в конце концов, кто такой Пушкин.

Был среди лицеистов Матюшкин, в будущем моряк, который участвовал во многих плаваньях, побывал во многих портах мира. Был еще и потомок Ломоносова, и очень многие персоны, с которыми нам еще придется столкнуться не только в разговоре о лицейских играх и занятиях.

1812 год

Очень большую роль в становлении этих мальчиков сыграл 1812 год. Изучая Пушкина, все время сталкиваешься с тем, что его взгляды никогда не укладываются в какое-то определенное, легко выявляемое русло. Он всегда отличается от всех. Совершенно понятно, что в лицее поэт подвержен патристическому суждению о Наполеоне. Наполеон, конечно, варвар, деспот, губитель Отечества – все это верно, и это отражено в стихах Пушкина. Но довольно скоро он понимает, что у французского императора есть и другая сторона: Наполеон – это человек, создавший самого себя, и это тоже очень важно.

Выходит, отношение Пушкина к Наполеону гораздо сложнее, чем простое неприятие «губителя Отечества». Мы еще вернемся к этому, но очень важно, что уже в лицее поэт пишет стихотворение «Наполеон на Эльбе», где впервые, может быть, пытается сличить свою биографию с биографией Наполеона, что потом будет тоже характерно для его творчества. Но я думаю, что мы отложим этот разговор на более позднее время.

Лицейский «диплом»

В лицее преподавали и нравственные науки, и историю, и Закон Божий, и политические учения. Воспитанники – кто глубже, кто поверхностнее – были на уровне своего века, и это самое главное. Конечно, в лицее плохо преподавали историю, оно и понятно: никакого учебника, никакого труда по русской истории еще не было, «История государства Российского» Карамзина выйдет позже. Тем не менее это было, в общем, близко к университетскому курсу.

Во всяком случае, Пушкин не сдавал экзаменов на чин, как было принято, хотя у него и не было университетского диплома. По указу Александра I для повышения в чине нужно было положить на стол диплом университета либо сдать экзамены. Лицеисты таких экзаменов не сдавали.

«Чугунники»

В лицейском братстве было принято с самых ранних лет праздновать 19 октября – день, когда в присутствии Александра I был открыт лицей. Выпуск первых лицеистов – в том числе Пушкина – тоже был отмечен государственным актом в присутствии императора.

Первым выпускникам раздали почему-то чугунные кольца, на которых была выгравирована строка из лицейской песни Дельвига, и они друг друга называли «чугунниками», их узна-

вали по этим чугунным кольцам. Так что тут лицейское предание как раз проходит через века. Мы еще очень много раз будем возвращаться к лицейской теме.

После выпуска из Лицея

На нынешнем языке мы бы сказали, что Пушкин получил из лицея распределение в Коллегию иностранных дел. Некрупная должность, основное занятие – переводы с французского на русский и с русского на французский. Нельзя сказать, что он сильно отдавался этой службе. Да это, собственно, и не требовалось. Семья жила в небольшом доме на окраине Петербурга, в Коломне.

Пушкин вел, в общем-то, рассеянный образ жизни. Он писал стихи, начинал свою первую большую поэму, «Руслан и Людмила», посвящал свои дни театру, ресторанам, женщинам, прогулкам. Это был свободный образ жизни, напоминающий то, что мы знаем о его герое, Евгении Онегине. В общем, это определяется его знаменитой строчкой: «Блажен, кто смолоду был молод». Или еще: «Я жил, в закон себе вменяя // Страстей единый произвол...» Это были увлечения картами, увлечения дружескими встречами – то есть полная свобода. Встретив поэта, друзья даже могли спросить: «Куда идешь – к ней или от нее?» Неважно, кто была «она» – это были женщины разных достоинств, скажем аккуратно, но это было, и это тоже неотъемлемая часть пушкинской биографии этих дней. Потом, когда мы перейдем к текстам Александра Сергеевича, мы поймем, что все это не было нейтрально к его творчеству, всё это было очень связано с ходом его чрезвычайно богатой мысли.

Очень часто, говоря о поэте, разные читатели, даже разные исследователи применяют формулы: «Пушкин утверждал, что...», «Пушкин знал, что...», «Пушкин считал, что...». Так можно говорить, только не зная, что речь идет об очень изменчивой натуре. Иногда даже кажется, что Пушкин утром говорил одно, а вечером – другое. Он был так отзывчив к людям и в такой степени определялся обстановкой, в которой он находился, что иногда говорил совершенно противоположные вещи. И не надо думать, что его мнения были так уж постоянны, особенно в молодости.

Например, одной даме поэт признавался, что он очень часто судит о том, что не очень глубоко знает, и ссылается на книги, которые ему пока не удалось прочесть. Это молодой, кипящий Пушкин, которого можно сравнить с открытой бутылкой шампанского: весь наружу, весь праздничный, подвижный, быстрый, легкий. Недаром же его в лице звали и Обезьяной, и Французом, а потом, в «Арзамасе», Сверчком. Но тем не менее за «покрывалом шалости», как писал поэт, скрывались очень серьезные размышления, которыми он, может быть, даже не очень делился с окружающими. Эти маски Пушкина мы еще будем обсуждать в дальнейшем.

2. Южная ссылка

На юг

Квесне 1820 года Пушкин уже находится в глубокой ссоре с правительством. Тому способствуют его вольнолюбивые стихи, наводнившие и салоны, и казармы, и усадьбы. Тому способствуют выходки противоположительного свойства, которые поэт устраивает в театрах и других публичных местах. Но друзья, среди которых такие видные люди, как Николай Михайлович Карамзин, избавляют Пушкина от серьезной ссылки: от Соловков, от Сибири. Поэтому та ссылка, которая ему предстоит, замаскирована под перевод по службе. Поэту вручаются курьерские бумаги, с которыми он должен ехать на юг, к попечителю поселений южного края, Инзову. Это как бы не ссылка, а перевод по службе.

Попутно надо сказать, что Пушкин везет не простую бумагу – это уведомление генералу Инзову о том, что он назначается главнокомандующим южного края. Это важная для начальства бумага, и поэт получает ее при выезде.

Он едет со своим слугой, Никитой Козловым, который сопровождает его всю жизнь, вплоть до того, что потом, после дуэли, будет нести раненого поэта на руках. Это персонаж малоизвестный, но чрезвычайно важный в биографии Пушкина. Не беремся сказать, является ли он прототипом Савельича в «Капитанской дочке», но, во всяком случае, он сопровождает Александра Сергеевича всю жизнь.

На юг поэт едет не через Москву, а западным путем: через Витебск, Киев, Екатеринослав. Это, по существу, его первая самостоятельная поездка. До сих пор он путешествовал всерьез только из Москвы в Петербург, мальчиком, под руководством дяди. Первая поездка и полная ответственность за неё – это начало очень важной стороны биографии Пушкина. Он ссорится со стационарными зрителями, обретает новые дорожные знакомства, видит пейзажи мест, которых он никогда не видел, – это выход в большой и самостоятельный мир.

Параллельно с этим, пока поэт едет на юг, петербургская цензура разрешает его поэму «Руслан и Людмила», о чем он в свое время тоже узнает.

Интересно проследить и то, как Пушкин в этой поездке обретает не философский, а чисто внешний материал для своих будущих произведений. Например, в дороге ему встречается человек, побывавший в плену у горцев на Кавказе. Это еще далеко не «Кавказский пленник», но, возможно, первый аргумент за то, что поэма будет написана. Может быть, на этом пути Пушкин встретился и с цыганами, и с горцами, и с другими людьми, которых он никогда не видел и не знал. Всё это обобщается в стихотворении «Я видел Азии бесплодные пределы...».

В Екатеринославе поэт становится свидетелем странного эпизода, когда через Днепр переплывают два скованных цепью невольника, бежавшие из тюрьмы. Может быть, здесь мерцают будущие «Братья разбойники», неоконченная поэма. Здесь же, в Екатеринославе, он купается в Днепре, заболевает лихорадкой и находится в совершенно жалком положении в домике на окраине города, где его застают Раевские.

Генерал Раевский с дочерьми приезжает на юг и вызволяет Пушкина из этого ужаса – тот почти умирает. Они приводят к нему доктора Рудыковского, вылечивают – и поэт может продолжать путь. Это очень заметный эпизод в жизни Александра Сергеевича, хотя мы не знаем, каким еще образом он отразился в его биографии. Но совершенно ясно, что он крайне заинтересован дочерьми Раевского, ему очень приятно быть в семье героя 1812 года. И понятно, что когда они приезжают на Кавказ, Пушкин чувствует страшно важное для себя освобождение

от петербургской скованности, уход от этикета. Он, по существу, действительно первый раз в жизни становится вольным поэтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.